

Интересна работа Визинга,¹ содержащая классификацию значений и применений глагольных форм прошедшего времени в романских языках. Однако и он совершенно не учитывает „вида“, ни как категории лексической, т. е. видового характера, свойственного самому действию, ни как категории грамматической, выраженной глагольной формой. В результате и его работа страдает отсутствием единого классификационного критерия, который служил бы основанием для обобщения выводов.

Установление различных значений и обусловленных этими значениями сфер применения простых глагольных форм прошедшего времени значительно выигрывает в ясности и убедительности, если исходить из видового характера, с одной стороны, самого глагола, с другой стороны — глагольных форм. Совпадение или столкновение видовых характеристик глагола и формы, в которой он стоит, обуславливает особые оттенки значения, свойственные данному глаголу в данной форме.

Курсивный глагол в форме имперфекта неизбежно будет по своему значению отличаться от такого же глагола в форме претерита. Незавершенность действия курсивного глагола усиливается свойством имперфекта выражать незаконченность. Незавершенность действия курсивного глагола, стоящего в форме претерита, которому свойственно выражать законченность, умалется значением формы. Из столкновения двух противоположных видовых характеристик возникает как бы некое новое значение, или, во всяком случае, новый характерный оттенок значения, определяющий и применение формы. Так, например, в описаниях, не предусматривающих момента начала или конца действия, применяются курсивные глаголы в форме имперфекта:

J'admirais dans les gouttières quelques végétations éphémères. J'étudiais les mousses, leurs couleurs ravivées par la pluie. J'aimais ma prison, elle était volontaire. 'Я любовался чахлыми растеньицами в водосточных жолобах крыши. Я изучал цвет мха, освеженный дождем. Я любил мою тюрьму, она была добровольной' (О. Бальзак. Шагреновая кожа,² 122).

Курсивные глаголы *любоваться*, *изучать* и *любить* в форме имперфекта, выражающего действие в процессе его протекания, прекрасно передают „статические“ описания без указания момента начала или окончания действий, которые являются необходимым элементом „динамических“ описаний, т. е. повествования.

В случае же, когда в имперфекте оказывается глагол терминативный, в самом значении которого заложена идея завершения действия, форма теряет свои описательные свойства, ибо свойственный описанию характер незаконченности нарушается терминативным значением глагола. Подобные глаголы в форме имперфекта приобретают некоторые новые, специфические оттенки значения. Например, они могут выражать повторность, многократность действия.

В большинстве случаев такой оттенок имперфекта терминативного глагола подтверждается не только общим смыслом контекста, но и специальным указанием на повторность действия в виде наречия или обстоятельственной группы:

...mais de temps à autre elle se levait, donnait un coup d'oeil au petit Jean..., '...но, время от времени, она вставала, взглядывала на маленького Жана...' (Э. Золя. Париж,³ 589).

¹ J. Vising. Die realen Tempora der Vergangenheit im Französischen und den übrigen Romanischen Sprachen. Heilborn, 1839.

² H. Balzac. La Peau de Chagrin. Paris, 1900.

³ E. Zola. Paris. 1903.